

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (2280)

Суббота, 20 апреля 1946 г.

Цена 45 коп.

1 стр. Габулла Тукай. Родной язык (стихи). М. Алигер. Из узбекских поэтов (стихи). П. Скосьрев. Туркменские впечатления. По Советской стране. Город Пушкина. У писателей Львова. Дар Публичной библиотеке.

За рубежом. Советские книги в Албании. Литературные премии во Франции. Почетный дар М. А. Нексе. 3 стр. Г. Мунблит. В поисках собеседников и друзей. Н. Москвин. Отношение к герою. Л. Сейфуллина. Наш рост. 4 стр. Н. Калинина. «Дядя Ваня». Р. Кям. Продавцы кукол. В Союзе советских писателей СССР. В Военной комиссии. «Русские инженеры». Информация. Лекции об украинской литературе. Встреча с командирами железнодорожного транспорта.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прошло уже немало лет с тех пор, как Запад «открыл» русскую культуру во всем ее величии. Когда Проспер Мериме, преодолевая трудности русского языка, постигал неведомые красоты в пушкинском стихе; когда Флоренс Тургеневу свои рукописи, внимательно прислушиваясь к его советам; когда американец Говард Джеймс совершил путешествие за океан, чтобы встретиться с Тургеневым в Париже, — все это были лишь предвестия грядущего триумфа русской культуры за рубежом. Своеобразие и сила русского художественного гения, который на протяжении XIX века обрел все больше восторженных поклонников на Западе, в последние треть прошедшего столетия получили широчайшее всемирное признание.

Известные слова Розы Люксембург: «Художественная литература завоевала для подзащитного деспотического государства место в мировой культуре, приобрела возведенную самодержавием китайскую стену и построила мост между Западом и Россией для того, чтобы появиться там не в качестве берущей, но и дающей, не только ученицей но и наставницей». Речь русской литературы, как «наставницы», была одновременно признана общественным мнением стран, долгое время занимавших ведущее место в мировой литературе. В 1886 году Мельхор де Вогюэ провозгласил: «Великие великих русских писателей будет спасительным для нашего истощенного искусства». Немного времени спустя это мнение подтвердил видный английский критик Мэтью Арнольд, утверждавший, что русские писатели завоевали мировое первенство и прочную международную славу. «Если», писал он, — «новые литературные произведения поддержат эту славу и повысят ее, нам всем придется изучать русский язык».

В самом деле: историю западной литературы за последние три четверти века невозможно изучить, не учитывая той роли, которую сыграли в ее развитии русские писатели. Облик Моисеаса был бы иным без Тургенева, Романа Ролана — без Толстого и Горького, Фернандо Шоу — без Толстого и Достоевского... Примеры можно умножить. Без русского примера и опыта не мог обойтись в новейшее время ни один художник, желавший поставить большие проблемы жизни, познать человеческую личность во взаимодействии с обществом, по-русски классический реализм бесконечно обогатил возможности художественного слова.

Мировое значение завоевала русская культура и в других сферах творчества. Справедливо предсказание Бердяева: «Русская музыка завоевывает все оперные сцены и концертные залы Европы». Иностранная критика не раз говорила о влиянии русских композиторов на западную музыку, отмечала, например, что «Мусоргский освободил нашего Дебюсси из-под власти Вагнера». Творчество Станиславского и других новаторов русской сцены наложило существенный отпечаток на развитие мирового театрального искусства.

отражение той идейной и моральной силы советского народа, которая позволила ему разгромить фашизм, спасти цивилизацию, отстоять свою свободу и независимость, выйдя победителем из тяжелых испытаний войны.

Война была великим экзаменом, проверкой не только материальных, но и духовных сил народов и у нас, и за рубежом. Советская культура с честью выдержала подвигами на нее историческое испытание. Она не только идейно вооружила для борьбы с фашизмом не только советский народ, но и другие народы антифашистской коалиции. Она за годы войны выросла идейно и творчески, создала немало ярких, полнокровных произведений. Таким книгам, как «Василий Теркин», «Молодая гвардия», «Неокоронованные», «Раута», несомненно, суждена долгая жизнь не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Эти книги помогают нравственному очищению мира от фашистской нечести, воспитывают читателя в духе идей социалистического гуманизма, показывая образ советского человека во весь его моральный рост.

Может ли мы сказать, что зарубежная литература подобным же образом выдержала экзамен? Ни литература Англии, ни литература США — не говоря уже о других зарубежных странах — не могут похвалиться подобным идейным или художественным достижениями за время войны. Немало выдающихся писателей, от которых мировое общественное мнение вправе ожидать полноценного вклада в дело освободительной антифашистской войны, предпочло отстраниться и отдалиться, дожидаясь лучших времен. Ричард Олдингтон, Сомерсет Моэм, Олдос Хаксли и многие, многие другие не захотели приложить своих сил к освобождению мира от корыстной чумы. Не всегда могут удовлетворить читателя и те книги, которые созданы некоторыми видными западными художниками с искренним намерением помочь сражающемуся делу.

Первые зарубежные писатели не чувствовали в своей работе той массовой, всенародной поддержки, которая является истинной силой для писателя советского. Каждый из них в дни войны работал в известной мере изолированно, иногда даже вынужден был идти против течения. Не потому ли в их книгах мы встречаем подчас значительную абстрактность, подчас — непоследовательность, неопределенность, робость в отстаивании антифашистских и демократических идей?

Трагична великая русская литература — стремление «искать прежде всего правды», служение народу, бесстрашие в постановке психических и острых вопросов жизни — сочетаются у наших писателей с новыми традициями и навыками, выработанными в них советским строем: активностью, целеустремленностью, осознанной волей к изменению мира. Сопоставление советской литературы последним из литературы зарубежной дает благодарный материал для суждений о преимуществах советского общественного строя, о тех широких перспективах, которые он раскрывает перед всеми видами творчества.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ДАР ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

ЛЕНИНГРАД, 19 апреля. (ТАСС). Житель города Лаугавилас Л. Л. Михайлов передал в дар публичной библиотеке Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина две хранящиеся у него старинные рукописи. Наибольшую ценность представляет рукопись XV века, носившая название «Сия книга именует четки и жемчуг и матина (кирга) злата». Такие рукописи были широко известны в древней Руси. В ней несколько исторических статей о князе Михаиле Тверском. На обложке сохранились многочисленные пометки, даты, факсимиле ее прежних владельцев.

Вторая из подаренных рукописей относится к началу XVII века и содержит статьи известного писателя XVI века Максима Грека.

ЮБИЛЕЙ А. БИРКЕРТА

РИГА. (От наш. корр.). Исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет литературной деятельности известного латышского писателя и литературоведа Антона БиркERTA. Лирические стихи А. БиркERTA объединены в сборниках: «Под серым небом родины», «Весенние голоса», «В садах жизни». Главным героем его творчества — трудоголосный интеллигент. Большая известность пользуется романом БиркERTA «Белогорье» — о жизни провинциального учителя. Последние произведения писателя — драматическое произведение — историческая литература. Им написаны работы по истории критики, о жизни и творчестве Райниса и т. д.

А. БиркERTу присвоено звание заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР.

«ОЛЕКСА ДОВБУШ»

КИЕВ. (От наш. корр.). На днях в Комитете по делам искусств при Совете министров УССР лауреат Сталинской премии поэт Леонид Перемогин прочел свое новое произведение — драматическую пьесу «Олексa Довбуш». Писатели, критики, артисты киевских театров и работники Комитета с интересом прослушали поэму о легендарном герою украинского народа Олексе Довбуше, руководителе крестьян в борьбе против крепостников на Гуцульщине и Буковине в 1738—1745 гг.

В обсуждении пьесы принял участие председатель Комитета по делам искусств Н. Компаней, начальник репертоара И. Чабаненко, критик Странничек, народные артисты СССР М. Крушельницкий, А. Бучма, Ю. Шумский. Выступавшие отметили драматургические и поэтические достоинства пьесы.

ГОРОД ПУШКИНА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). С большим удовлетворением встретили ленинградские литераторы сообщение президента Академии наук СССР акад. С. И. Вавилова о том, что по решению правительства в г. Пушкине (б. Парское Село) в ближайшее время будет создан крупнейший научно-исследовательский центр советского литературоведения.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель директора Института литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР проф. Л. Шапокин рассказал: — Одним из правительственных актов, которым в 1937 г. было отмечено столетие со дня смерти Пушкина, явилось переименование б. Парского Села в г. Пушкин. Нет нужды напоминать, какое место занимали в жизни и творчестве Пушкина годы, проведенные в Парском Селе.

В г. Пушкин будет переведен Институт литературы Академии наук СССР, возникший как Пушкинский дом и под этим именем известный в широких кругах советских и иностранцев ученых.

У ПИСАТЕЛЕЙ ЛЬВОВА

ЛЬВОВ. (От нашего корр.). При Львовском отделении Союза советских писателей Украины организованная писателями секция. Кроме членов ССП, пишущих по-русски, в работе секции принимают участие молодые литераторы, публикующие свои произведения в украинских и русских газетах, в русской газете «Львовская правда», а также в центральной печати. Как известно, кроме украинских писателей, давних нашей стране и Ивану Франко, Василья Стефанюка и других, во Львове издавна работали писатели, пишущие по-русски: Яков Голубович, Василий Залозецкий, Борис Дедичий, Иван Гушалаевич, Амаросий Полянский и другие; они были усердными пропагандистами русской культуры в Прикарпатье. Во время первой мировой войны в Москве под редакцией профессора Аристовского стала выходить

ГОРОД ПУШКИНА

«Библиотечка карпато-русских писателей». Искусственная граница, которая была на протяжении многих лет отделяла Западную Украину от Советского Союза, не давала возможности советским критикам изучать сочинения во Львове русскими писателями культурные ценности. Критики и литераторы, которых объединяет сейчас русская секция, восполняют этот пробел. Свою работу русская секция будет проводить в постоянном дружеском контакте с украинскими писателями.

Первое творческое собрание секции было посвящено обсуждению рассказов Николая Далекого «Встреча» и Владимира Белышева «После удара торпеды». В обсуждении участвовали Ирина Вильде, Михаил Рудничкий, Степан Масляк, Антон Шумицкий, Михаил Шапокин, Виктор Малкин, Семен Езерский и др.

КНИГИ ГЕОРГИЯ СКАРИНЫ

МИНСК. (От наш. корр.). Государственная библиотека им. Ленина в Минске — старейшее культурное учреждение республики. Для нужд библиотечки приравлением БССР была в свое время выстроена Дворец книги. В июле 1944 года, сразу же после освобождения Минска, начались работы по восстановлению ценнейшего книжного фонда. Удалось разыскать часть книг, вывезенных немцами. Так, в белорусский отдел библиотечки возвращены пять книг белорусского первопечатника Георгия Скарины. Найдены хранящиеся

ранее в библиотеке неопубликованные рукописи известного белорусского писателя начала нынешнего века Каруса Каганца. Книжный фонд библиотечки растет с каждым месяцем, и в этом сказывается братская помощь союзных республик. Намечено возобновить издание белорусской книжной летописи. Библиотека готовит выставку редких первоизданий последнего десятилетия. Выставка будет экспонированы старинные издания, книги с автографами известных писателей и другие материалы.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Пы украла мир мой души. Начала, так, стало быть, верши. От меня скрываться не спеши. Под крылом твоих тяжелых кос. Что теперь мне воли и простор! Я навеки поставил бы шатер. На груди твоей, как среди гор. Устремил твоих тяжелых кос. Горыне предвечная звезда, Птицы вылетают из гнезда, Падает жестокая уда. С твоей твоих тяжелых кос.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ!

Первомайский плакат А. Кокоркина, выпускаемый издательством «Искусство».

Габдулла ТУКАЙ

Родной язык Родной язык, святой язык, отца и матери язык! Как ты прекрасен! Для меня огромный мир в тебе возник. Какая колыбель, тебя мне в науке открывала мать. А скажи бабушки потом я научился понимать. Родной язык, родной язык, с тобой смело шел я в даль. Ты радость возмужалю мою, ты просветила мою печаль. Родной язык, с тобой вдвоем я в первый раз молила творца: «О, боже, мать мою прости, прости меня, прости отца!» 1909.

М. АЛИГЕР ИЗ УЗБЕКСКИХ ПОЭТОВ

УВЕИСЫ На белом свете жизнь прожить, удача из удач. С людьми хорошими дружить, удача из удач. Найдти по сердцу соловья в полночном саду И голубю ему вскружить, удача из удач. В топе заметить и узнать любовь своей судьбы. И ей всю жизнь свою служить, удача из удач. Нерасчтанный бутон распустился к утру. О нем до срока не тужить, удача из удач. Любить и сонать, и душу, и счастья краткий миг И голубю за них сложить, удача из удач. Ты ищия, о, Увеисы, но голос твой богат И песню слышную сложить, удача из удач.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

С плеч твоих текут они рекой, Собири их ловкою рукой, Золоченым гребнем успокой Ураган твоих тяжелых кос. Распусти, как крылья, рукава, Чтоб вывалили люди какова, Чтоб у них кружились голова. От жары твоих тяжелых кос. Ты уведи мир мой души, Там сама судьба мою реши. Приговору мой смертный подлинши Чернотой твоих тяжелых кос.

П. СКОСЬРЕВ ТУРКМЕНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1. Уроки декады

В середине марта в Ашхабаде проходила очередная пленум правления Туркменского Союза писателей. Единственный вопрос повестки дня — что дали писателям Туркмении литературная декада, состоявшаяся в Москве в сентябре прошлого года, — презартикла в широкий разговор о нынешней туркменской литературе. Особый интерес вызвал доклад поэта Д. Халлурды о поэзии. Докладчик с большой остротой и резкостью критиковал поэтов, до сих пор находившихся в плену у классической традиции, чужающихся новых тем и не желающих, да и не умеющих учиться у русской классики и у русской советской поэзии. Одновременно Д. Халлурды признавал богатства народного языка, способного выразить многообразие мира с гораздо большей полнотой, нежели это мы находим в произведениях многих современных туркменских поэтов.

2. Новые рукописи Махтум-Кули

Тому, что пленум прошел с несомненным творческим подъемом, немало способствовало одно весьма интересное событие, происшедшее в те дни. Суть события в следующем. До последнего времени считалось, что литературное наследие, которое оставил туркменский классик XVIII века Махтум-Кули, в основном уже изучено. Об этом тоже свидетельствовали 13—14 тысяч стихов, обнаруженных в последние годы в рукописях, обнаруженных в архивах писателя Махтум-Кули, то есть на такую находку можно было рассчитывать, что и в нашем предельном творчестве великого поэта. И вот произошло самое неожиданное. В дни пленума Союзу писателей были пере-

3. М. Кулева в роли Татьяны

В дни, когда шла пленум, на сцене Ашхабадского театра оперы и балета давали премьеру — «Евгения Онегина». Впервые опера Чайковского исполнялась на туркменском языке силами туркменских певцов. Это был серьезный экзамен для молодого творческого коллектива. Не будем останавливаться на деталях этой во многом любопытной работы. Скажем лишь о самом главном и ярком — об исполнении партии Татьяны молодой туркменской актрисой Майей Кулиевой. В том, что Майя Кулиева талантлива, москвичи могли убедиться еще осенью прошлого года, когда в дни декады она переманитно, музыкально и удивительно свежо исполнила песню из слова туркменского поэта. Но думалось — какие еще данные у молодой туркменской актрисы к тому, чтобы она могла понять и передать сколько-нибудь впечатляюще образ столь русско-лирической, столь как будто бы простой и вместе с тем столь сложной?

И в один голос, что это самый подлинный и несомненный Махтум-Кули. Я спросил: — А какие все же есть гарантии, что это не талантливый подделка, не литературная фальсификация, примером которой много знает история литературы? Бедра Кербаяев на этот мой вопрос ответил так: — Если бы нашелся, — сказал он, — человек, который смог бы подделать тот одну строчку Махтум-Кули и другие поемы, было бы это строчка действительно написанная Махтум-Кули, значит этот человек сам настолько большой поэт, что ему не захотелось заниматься подделками. А ведь мы сейчас, — сказал Кербаяев, — прослушали не одну, а две тысячи строк, достойных гения Махтум-Кули. Другие поэты и литераторы присоединились к мнению Б. Кербаяева. Как доказательство того, что найденные произведения принадлежат Махтум-Кули, а не кому-либо другому, было высказано и еще одно: — на мой взгляд очень убедительное соображение. Говорилось, что если бы кто-то из известных поэтов «подделал» Махтум-Кули, он бы наверняка постарался во всем рабски следовать подлиннику и не рискнул бы вводить мотивы и темы, стихам Махтум-Кули несвойственные. Между тем отдельные образы и сюжеты найденных стихов опровергают целый ряд устоявшихся мнений о многих фактах и обстоятельствах жизни и творчества великого поэта.

И в один голос, что это самый подлинный и несомненный Махтум-Кули. Я спросил: — А какие все же есть гарантии, что это не талантливый подделка, не литературная фальсификация, примером которой много знает история литературы?

Несколько десятков лет назад один из старших родственников К. Муллиева учился в бухарском медресе. Однажды, сидя в стене своей кельи, поздно он обнаружил, что в стене есть тайник. Вынув кирпич, он увидел книгу, забытую рукописи. Это были стихи и поэмы Махтум-Кули. В кельеке обитали еще два одноклассника Муллиева — туркмен и узбек. Они поделились между собой найденные рукописи и, боясь преследований со стороны духовного начальства, дали слово молчать о находке. Муллиев вернулся в Туркмению, занялся своими делами, состарился и никому не рассказывал о том, что в его руках находится драгоценнейшая рукопись. Его наследник Клям Муллиев специально приехал из Мары на пленум, чтобы передать Союзу писателей первые две тысячи строк переписанных им из старинной рукописи. Естественный вопрос: почему рукопись оказалась замурованной? Туркменские литераторы предполагают, что духовная цензура ислама (место ее пребывания — Бухара) наложила на стихи Махтум-Кули запрет и кто-то из цензурщиков, боясь, что рукопись затеряется и в то же время боясь преследований, замуровал рукопись в стену. Союз писателей Туркмении и Туркменский филиал Академии наук должны заинтересоваться сообщением о том, что найденные тридцать лет назад рукописи были переданы между тремя нашедшими их студентами. Нужно сделать все, чтобы их исследование здесь действительно имело место) имена авторов былых сожителей студента Муллиева стали известны.

Ашхабад.

В своем последнем и лучшем романе «Добердэ» Матэ Залка рассказывает о том, как он пришел к революции. Бывший венгерский офицер, военнопленный стал большевиком, красноваряйцем и интернационалистом.

Матэ Залка — венгерский писатель, участник гражданской войны, участник коммунистической революции в Венгрии.

В 1930 году в Харькове происходила международная конференция революционных писателей. На конференции выступили приехавшие из Берлина молодые немецкие антифашисты.

Матэ Залка не любил рассказывать о своих подвигах. Только однажды, в минуту особой откровенности, он рассказал нам о том, как в конце этого «золотого периода» он был вызван к Владимиру Ильичу Ленину.

Последний роман Залки «Добердэ» — один из наиболее интересных книг о войне 1914—1918 гг. Уже находясь в Испании, Матэ задумал роман под названием «Анкета».

Матэ Залка в Ивановскую область, на родину Фурманова. Беседа шла с Матэ Залкой и его секретарем, хорошим знакомым и любимым своим земляком.

Матэ Залка — мой товарищ и друг, бесцельно расставившись на асфальте. Но еще чаще я вспоминаю его живым, полным сил на командном пункте, отдающим приказание, беседуящим с солдатами, склонившимся над картой — генералом народной армии, любимым солдат и офицеров.

Умер на боевом посту. Умою свою жизнь он отдал народу, партии, революции. Прекрасную песню посвятил Лукачу в те дни Михаил Исаковский:

Словы свои боевые знамена, Испания модра обводит: Товарищ Лукач ирландец Арагона Фашистским снарядом убит.

И. ГРИНБЕРГ

Покой нежданных перемен

Стихотворение называется «Испанцы отступили за Пиренеи». В нем всего шестнадцать строк. Начинается оно так: Не могу прикончить к перу, Слово полны чернила заклятия...

Албанский народ по вполне понятным причинам до войны и в период фашистской оккупации не имел почти никаких сведений о советской литературе. Но албанский язык был переведен лишь несколько произведений русской классики — «Анна Каренина» и «Крейцерова соната».

В последние годы в Албании вышли в свет: сборник статей Ивана Эренбурга, «Лететь улетают» Симона, переведенные «Возмущенный спокойствием» Соловьева, «Они сражались за родину» Соловьева и др.

Литературные премии во Франции Гонкуровскую премию за 1945 год получил молодой романист Жан-Луи Бори, преподаватель коллежа в Эльзасе.

Почетный дар М. А. Нексе Газета «Ланг оф Фольк» сообщает, что Комиссия министерства просвещения Дании присудила Мартину Андерсену Нексе почетный дар в 3.600 крон.

Словы свои боевые знамена, Испания модра обводит: Товарищ Лукач ирландец Арагона Фашистским снарядом убит.

Иллюстрации Т. Лобановой к поэме «Русские женщины» Н. Некрасова (Детгис).

Иллюстрации Т. Лобановой к поэме «Русские женщины» Н. Некрасова (Детгис).

Писатель В. Смирнов, живущий в Ярославле, уже довольно давно (еще до войны) начал работать над повестью «Открытие мира».

Впервые эта повесть была напечатана на задворках областного альманаха и, как принято говорить, «прошла незамеченной».

В меньшей степени можем мы гордиться тем, что за годы советской власти от двадцати пьес Шекспира переведены на двадцать семь языков народов Советского Союза.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

В нашей литературе есть прекрасные образцы матери-крестьянки. Но образ матери из книги Смирнова интересен тем, что, будучи написан женой, почти скупой, он все же дает приятную и простую женщину — страдающую, изуродованную тяжелой работой, но сохраняющую вечную красоту и молодость, широкую открытое сердце и внешнею русскую красоту.

Очень хорош пейзаж средней России. Он дан глазами детей. Примеров можно было бы привести много. Но достаточно прочесть описание первого весеннего солнечного дня в его предельно только визуальной темной крестьянской избы, чтобы убедиться в том, какими верными и образными средствами пользуется автор.

Особенной силой достигает Смирнов в картине сельской ярмарки. Если сравнить с живописью, то это, конечно, Кустодиев. Сцена ярмарки полна красок, веселья, зова, выкриков, «Ярмарочные» страницы написаны с такой силой воспроизведения, что от них, как от ярмарочных плакатов, пахнет снегом, медом, шепчущим товаром.

«Открытие мира» — это широкая художественная энциклопедия крестьянской жизни в годы, предшествующие войне 1914 года. Это — все три дня из жизни мальчугана в безвестной деревне на Верхней Волге, но эти три дня, неторопливо описанные автором, стоят трех лет. Выприси устойчивым взглядом на безразличную крестьянскую действительность в далекие былые годы (книги Подъячева, Вольнова и других), Смирнов говорит о том ясным и поэтическим миро-

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

Вспомогательные кадры шекспироведов. Создание нынешней зимой молодежного кружка по изучению Шекспира в Московском государственном университете и при кабинете Шекспира Уни-верситета в театральном обществе является только началом.

В поисках собеседников и друзей

О нашей литературе можно было бы сказать множество горьких истин. Но одного у нее не отнимешь — это литературная созидательная, литература положительных идеалов.

Как бы ни были порой несовершенны книги наших писателей, как бы медленно они ни двигались по избранному пути, они могут быть уверены в главном: этот путь — самый верный из всех, какие когда бы то ни было избирала литература.

Может быть, наша литература в своей борьбе за оптимистическое мировоззрение не создала еще столь изысканных и законченных книг, какие есть в пессимистической и разочарованной литературе, литературе, традиционной для Запада. Но ведь открывать, исследовать и высмеивать всегда было гораздо легче, чем утверждать, строить и защищать. И ни респектабельно не следует никому заводить. Потому что в поисках истины, в поисках положительного героя советские писатели продвинулись гораздо дальше, чем их предшественники, испуганные, или во всем сомневающиеся западные собратья. И именно их усилиями создана та ищущая, страстная и беспокойная литература, которая если и не напоминает сейчас красиво расписанный сад с экзотическими цветами, то предвещает собой почву для такого сада, о каком до сих пор никто не смел и мечтать.

Вспомните вышедшие за время войны книги Василия Гроссмана, А. Бека, прочитанный роман А. Фадеева или только что напечатанную повесть Веры Пановой. Вы увидите, что все эти авторы одушевлены одним и тем же стремлением. Все они ищут в многолюдном, пестром человеческом потоке, окружающем их, черты героя нашего времени, черты строителя новой жизни, черты умного, смелого и сильного борца за мир, свободу и справедливость.

И пусть в этих поисках они еще далеки от цели, но они ищут, вместо того, чтобы разочарованно иронизировать или горестно отступить. И в этом — громадная их заслуга.

В этой связи до крайности интересен спор, который ведут в последние номера «Литературной газеты» Ю. Юзовский и А. Гурвич.

Спор начался с того, что Юзовский посмотрел в театре им. Ермоловой пьесу Л. Малиюгина и остался чрезвычайно доволен атмосферой, в которую погружает зрителей этот спектакль. По мнению Юзовского, эта атмосфера интеллигентности особенно важна и приятна в спектакле именно потому, что она отражает существующие процессы, происходящие в нашей молодежи за последние годы. В конце статьи Юзовский отмечает, однако, что пьеса Малиюгина далеко не совершенна и «споры», которые как будто поднимает автор, настолько слабо намечены, что о них не стоит серьезно говорить. И, наконец, он считает нужным отметить, что интеллигентность — это только условие, только лестница, которая должна нас вести в так сказать широкую афишу идей, тем, конфликтов и судеб, чего не делает автор «старых друзей». Но спектакль в целом критик склонен расценивать как удачу и удачу именно на пути создания образа героя нашего времени.

А Гурвич ответил на все эти рассуждения резкой статьей, в которой он камнем на камне не оставил от умировой пьесы.

Попытайтесь вызвать в своей памяти образы героев и героинь романов, рассказов, повестей и пьес, которые вам привлекли, прочли и увидели за последние годы. Верно ли, что будущий читатель, перелистав страницы наших книг и журналов, не найдет в них ничего, что могло бы создать у него представление о жизни, какой жила в эти годы страна, о людях, которые привели нас к победе, об их стремлениях, интересах, чувствах, отношениях между собой, об их манере работать, любить, враждовать, о том, что по их представлению было злом и добром, правдой и ложью, трусостью и мужеством?

Нет, разумеется, это неверно. Поиски героя нашего времени в нашей литературе и драматургии далеко не так безуспешны, как кажется Гурвичу. И если не ставить перед нашими писателями столь категорических требований, если не вопрошать их, грозно указывая на них перстом, воплотили ли они в своих драмах образ Зои Космодемьянской, или почему не создали в своих книгах образ «великого нового человека», а внимательно разобравшись в том, что они сделали и делают, картина окажется далеко не столь безотрадной. Ведь в реальной действительности черты новизны, дух времени, контуры будущего не приходят к нам, как сказка, а возникают над общественностью. Значит, этого не может быть и не должно быть литературе.

Как часто всем нам приходится наблюдать в окружающих нас людях черты благородства, ума, героизма, черты подлинной новизны, в сочетании с совершенно обыденными мыслями, чувствами и стремлениями. И как часто эти обыденные мысли и чувства мешают нам разглядеть и в людях, и в книгах, и в пьесах то новое, что в них действительно есть.

Не случился ли это и с Гурвичем? Ведь если бы он, преодолев экстаз, в который его привело созерцание тургеневской героини, попытался собрать воедино все свои впечатления от увиденного в кино и театре и от прочитанного за последние годы, он должен был бы признать, что дух времени, о котором он говорит, воплотили не только в книгах Фадеева и Островского. Этот дух времени, выраженный в таланте, как не кажется, в неслыханном стремлении наших современников к совершенствованию, в высокой требовательности, с какой они относятся друг к другу, в умении сочетать свои личные интересы с интересами общества, в умении волевать, как никто не волевал до сих пор, в умении работать, как никто до сих пор не работал, этот дух времени, несомненно, присутствует в наших книгах и пьесах.

И не будучи в рассуждениях Гурвича той пристрастной запальчивости, с какой он отнесся к пьесе Малиюгина, он может быть, даже в этой, действительно не слишком удачной, но не лишенной некоторых достоинств пьесе нашел бы знаменания времени. А они там есть. И выражаются они хотя бы в том, что героиня пьесы от-

дает свое сердце не удачному, увещанному орденами и не обремененному сомнениями молодцу, а скромному юноше, мечтающему быть учителем, что, кстати, роднит героиню «старых друзей» с тургеневской Верочкой.

Но пьеса Малиюгина — не слишком подходящий объект для разговора об успехах нашей литературы.

Неизмеримо больше возможностей дает для этого повесть Веры Пановой «Спутники», напечатанная в первых книжках «Знамени» за этот год.

В этой повести нет героя или героини, за судьбой которых с замиранием сердца мог бы следить читатель, нет интриги, которая бы заставляла его торопливо пробегать глазами страницы, с нетерпением ожидая развязки, она не написана тем изысканным, отточенным языком, который мог бы приманить читателя с отсутствием всякого и лишнего, и вместе с тем вместе с тем эту повесть читаешь от первой до последней страницы с ошущением жгучего интереса ко всему, что рассказано в ней.

В повести не менее пылпадают персонажей, ни один из которых не может быть назван главным, обо всех о них рассказано торопливо и закончено, они смеются друг друга перед глазами читателя, мало связанные между собой, и во времена не хватает из повести, не оставила после себя никакого следа, и вместе с тем каждая из них отчетливо видна, интересна и интересна читателю и, рассказывая с ним, он может уверенно предсказать их судьбу.

И еще одно — судьбы героев этой повести в подавляющем большинстве печальны, а все она в целом оптимистична, гораздо более оптимистична, чем, скажем, пьеса Малиюгина, в которой жанровые трудности шутки без труда и горя шествуют по жизни, дарованной им автором, чтобы повеселить публику в течение вечера, а потом бесследно исчезнуть из памяти, ни на минуту не заразив зрителей своим оптимизмом.

В чем здесь дело? В чем секрет этой увлекательности, этой отчетливости рисунка, казалось бы, беглого и скупого, этой доброты, которой весь рассказ выстроен из печальных судеб людей, влечущих к себе, и в тяжелом труде и опасностях прошедших годы войны?

Секрет в том, что все, описанное в повести, чистая правда, в том, что автор бесконечно заинтересован тем, о чем пишет, и с горячим и жалким вниманием вглядывается в каждую подробность жизни своих героев, в том, наконец, что повесть была проникнута духом нашего времени.

Панова не выбирает и не конструирует своих героев с намерением показать передовых, образцовых, лучших людей. В ее повести нет ни одного персонажа, могущего претендовать на то, чтобы стать «экземплярным всечеловеческим типом», о каком, по выражению Гурвича, мечтала великая русская литература. Но обычные, обычные люди, которые оживают в ее повести, оживают оттого, что она рассказывает о жизни, о том, что она переживает, о том, что она чувствует, о том, что она думает, о том, что она делает, о том, что она любит, о том, что она ненавидит, о том, что она жалеет, о том, что она горюет, о том, что она надеется, о том, что она мечтает, о том, что она умирает.

Позиция Юзовского по поводу пьесы Малиюгина.

«Что это за интеллигентность, как она — пишет Гурвич, — интеллигентность, отделенная от мыслей, чувств, вопросов, от психологической, от общественной жизни человека? Почему шутники, бродящие по сцене театра в пьесе Малиюгина и выслушавшие решительно все — и гилье товарища и первую любовь, могли быть восприняты критиком как представители новой, советской, формации, выросшей в нашей стране? Ведь без своих взглядов, вкусов, интересов, запросов и мечтаний не живет на свете ни один человек, начиная от самого ничтожного и кончая самым достойным. Ведь интеллигентность и равно ничего больше для живого человека, как и для образа живого человека, есть нонсенс. Как же мог Юзовский только на том основании, что в пьесе выведены молодые люди, получившие среднее образование и соответственно с этим себе ведущие, просмотреть в ней отражение жизни нашей страны? Ведь если обратиться к нашей действительности, то в ней можно найти множество примеров красоты, силы и действительно высокой культуры чувств и идей.

Но увы! Все эти разумные и справедливые рассуждения Гурвич завершает весьма пессимистическим выводом. Смысл его сводится к тому, что за все последние годы в нашей прозе и драматургии не было создано ничего достойного нашей действительности, если не считать образ Павла Корчагина из романа Н. Островского и героев «Молодой гвардии» А. Фадеева.

Вот что пишет Гурвич о нашей драматургии военного времени: «Ни одна из многочисленных сценических героинь, которые и по образу жизни, и по ситуациям, и даже как будто по героизму своему были задуманы, как духовные сестры Зои, не вызвала в нас волнения. И только один образ заставил нас вспрыгнуть, почему ствовать что-то значительное и близкое к этим дням суровой и большой жизни народа... Это была Верочка из «Месияса в деревне» Тургенева».

Верно ли это?

Попытайтесь вызвать в своей памяти образы героев и героинь романов, рассказов, повестей и пьес, которые вам привлекли, прочли и увидели за последние годы. Верно ли, что будущий читатель, перелистав страницы наших книг и журналов, не найдет в них ничего, что могло бы создать у него представление о жизни, какой жила в эти годы страна, о людях, которые привели нас к победе, об их стремлениях, интересах, чувствах, отношениях между собой, об их манере работать, любить, враждовать, о том, что по их представлению было злом и добром, правдой и ложью, трусостью и мужеством?

Нет, разумеется, это неверно. Поиски героя нашего времени в нашей литературе и драматургии далеко не так безуспешны, как кажется Гурвичу. И если не ставить перед нашими писателями столь категорических требований, если не вопрошать их, грозно указывая на них перстом, воплотили ли они в своих драмах образ Зои Космодемьянской, или почему не создали в своих книгах образ «великого нового человека», а внимательно разобравшись в том, что они сделали и делают, картина окажется далеко не столь безотрадной. Ведь в реальной действительности черты новизны, дух времени, контуры будущего не приходят к нам, как сказка, а возникают над общественностью. Значит, этого не может быть и не должно быть литературе.

Как часто всем нам приходится наблюдать в окружающих нас людях черты благородства, ума, героизма, черты подлинной новизны, в сочетании с совершенно обыденными мыслями, чувствами и стремлениями. И как часто эти обыденные мысли и чувства мешают нам разглядеть и в людях, и в книгах, и в пьесах то новое, что в них действительно есть.

Не случился ли это и с Гурвичем? Ведь если бы он, преодолев экстаз, в который его привело созерцание тургеневской героини, попытался собрать воедино все свои впечатления от увиденного в кино и театре и от прочитанного за последние годы, он должен был бы признать, что дух времени, о котором он говорит, воплотили не только в книгах Фадеева и Островского. Этот дух времени, выраженный в таланте, как не кажется, в неслыханном стремлении наших современников к совершенствованию, в высокой требовательности, с какой они относятся друг к другу, в умении сочетать свои личные интересы с интересами общества, в умении волевать, как никто не волевал до сих пор, в умении работать, как никто до сих пор не работал, этот дух времени, несомненно, присутствует в наших книгах и пьесах.

И не будучи в рассуждениях Гурвича той пристрастной запальчивости, с какой он отнесся к пьесе Малиюгина, он может быть, даже в этой, действительно не слишком удачной, но не лишенной некоторых достоинств пьесе нашел бы знаменания времени. А они там есть. И выражаются они хотя бы в том, что героиня пьесы от-

дает свое сердце не удачному, увещанному орденами и не обремененному сомнениями молодцу, а скромному юноше, мечтающему быть учителем, что, кстати, роднит героиню «старых друзей» с тургеневской Верочкой.

Но пьеса Малиюгина — не слишком подходящий объект для разговора об успехах нашей литературы.

Неизмеримо больше возможностей дает для этого повесть Веры Пановой «Спутники», напечатанная в первых книжках «Знамени» за этот год.

В этой повести нет героя или героини, за судьбой которых с замиранием сердца мог бы следить читатель, нет интриги, которая бы заставляла его торопливо пробегать глазами страницы, с нетерпением ожидая развязки, она не написана тем изысканным, отточенным языком, который мог бы приманить читателя с отсутствием всякого и лишнего, и вместе с тем вместе с тем эту повесть читаешь от первой до последней страницы с ошущением жгучего интереса ко всему, что рассказано в ней.

В повести не менее пылпадают персонажей, ни один из которых не может быть назван главным, обо всех о них рассказано торопливо и закончено, они смеются друг друга перед глазами читателя, мало связанные между собой, и во времена не хватает из повести, не оставила после себя никакого следа, и вместе с тем каждая из них отчетливо видна, интересна и интересна читателю и, рассказывая с ним, он может уверенно предсказать их судьбу.

И еще одно — судьбы героев этой повести в подавляющем большинстве печальны, а все она в целом оптимистична, гораздо более оптимистична, чем, скажем, пьеса Малиюгина, в которой жанровые трудности шутки без труда и горя шествуют по жизни, дарованной им автором, чтобы повеселить публику в течение вечера, а потом бесследно исчезнуть из памяти, ни на минуту не заразив зрителей своим оптимизмом.

В чем здесь дело? В чем секрет этой увлекательности, этой отчетливости рисунка, казалось бы, беглого и скупого, этой доброты, которой весь рассказ выстроен из печальных судеб людей, влечущих к себе, и в тяжелом труде и опасностях прошедших годы войны?

Секрет в том, что все, описанное в повести, чистая правда, в том, что автор бесконечно заинтересован тем, о чем пишет, и с горячим и жалким вниманием вглядывается в каждую подробность жизни своих героев, в том, наконец, что повесть была проникнута духом нашего времени.

Панова не выбирает и не конструирует своих героев с намерением показать передовых, образцовых, лучших людей. В ее повести нет ни одного персонажа, могущего претендовать на то, чтобы стать «экземплярным всечеловеческим типом», о каком, по выражению Гурвича, мечтала великая русская литература. Но обычные, обычные люди, которые оживают в ее повести, оживают оттого, что она рассказывает о жизни, о том, что она переживает, о том, что она чувствует, о том, что она думает, о том, что она делает, о том, что она любит, о том, что она ненавидит, о том, что она жалеет, о том, что она горюет, о том, что она надеется, о том, что она мечтает, о том, что она умирает.

отвлеченных полемических рассуждений, а в человеческих образах и человеческих взаимоотношениях. И надо сказать, это отлично помогает установить несомненную правоту Гурвича.

Вот две чрезвычайно красноречивые в этом отношении характеристики:

«Супрунов» коллекционировал книги, скульптуру, красивую посуду и изделия пален, и в его кабинете стоял шкафчик с китайским фарфором и венецианским стеклом. Не то, чтобы он очень понимал в китайском фарфоре, в изделиях пален, или в стихах Верхарна, а просто ему нравились изящные вещи, и он украшал ими свою квартиру. Он аккуратно ходил на все заседания, на которые его приглашали, и на новые спектакли, и к знакомым в гости, он слушал радио, читал газету, выписывал специальные издания, но больше всего он любил читать романы, а единственно почитать и рассматривать свои коллекции. Спешившись у Супрунова была тихая: ухо, горло, нос. Во второй характеристике речь идет о помощнике начальника санитарного поезда по политической части.

«Когда Ламитона спрашивали, какое у него образование, он отвечал: низшее.

Это была правда: он был из крестьянской семьи, до семнадцати лет бездельничал в деревне и окончил начальную школу, где учение состояло из православия, арифметики и закона божия. Всем предметам учила одна и та же учительница — «наставница», как ее называли в деревне.

И это была неправда, потому что, начиная с революции, он почти непрерывно учился. Его учили комсомол, партия, Красная Армия. Учили в специальных школах, на курсах, в техникумах, в высших учебных заведениях. Он был всегда в авангарде работы, как будто во времена не оставалось учиться, а между тем всегда он чему-то учился и в сущности много знал.

А теперь прочтите отрывок из дневника доктора Белова, где он рассказывает о своих помощниках. О способе, каким Белов вел свой дневник, автор сообщает следующее: «Если доктор случалось писать о ком-нибудь из знакомых людей, он не называл настоящих имен, заменяя их условными буквами. Он боялся, чтобы эти люди не были опорочены после его смерти, когда его записки будут обнаружены и опубликованы».

Вот что пишет доктор Белов о Супрунове, не называя, по своему обыкновению, его настоящего имени:

«Странный человек NN. Я понимаю И. Е. Данилова, понимаю даже симпатичного, хотя сурового хирургического сестру, понимаю эту девочку в берете, которая забитая об мне и больше всего довольна, когда я похвалю фасон, которым сложена сафетка, понимаю пьяницу Z, понимаю каждого человека в поезде, но вот NN я никак не могу понять. А ведь он самый близкий мне здесь человек, во всяком случае должен быть самым близким. Ведь мы люди одной профессии, мы могли бы беседовать часами, но мне почему-то совсем не хочется беседовать с ним».

Доктор Белов совершенно прав.

Это очень печально, но среди интеллигентных людей, так же, как и среди неинтеллигентных, есть такие, с которыми совсем не хочется беседовать. И напрасно представляется Юзовскому, что культура, война в человека, как он выражается, «отпечатывается» так, как в зеркале, интеллигентность, которую он понимает, — это не столько интеллигентность, сколько инстинкт, инстинкт же естественный, как и все остальное. Инстинкт будет вызывать улыбку восхищенного удивления у всех, кто войдет в соприкосновение с таким обладателем шести чувств. Бог с ним, с этим шестым чувством и даже с инстинктом, если обладатель этих диковенных гуп или эгоистичен!

Пановой и в голову не приходило разделять своих героев на интеллигентных и неинтеллигентных в том понимании, какое вкладывает в эти понятия Юзовский. А между тем, если говорить всерьез об атмосфере, царящей в ее повести, то высокая гуманность, человечность и такт, с какими ее герои относятся к раненым, раненым и творческая заинтересованность, какие они проявляют в своей работе, тонкость и сложность их чувств и мыслей, уровень их сознания куда более примечательны, чем интеллигентность и инстинкт, так воспитание нашего сборника «Интеллигентность» в пьесе Малиюгина.

Нет, разумеется, нашим писателям, ищущим в толпе, окружающей нас, черты строителя новой жизни, черты положительного героя, какого еще не знала литература, не следует ограничивать свои поиски пределами школьных выпускных вечеров или даже университетских аудиторий.

Мы радуемся тому, что миллионы молодых людей в нашей стране уже окончили или кончат среднюю школу, но в наших поисках собеседников и друзей, в поисках людей, на которых нам бы хотелось быть похожими, в поисках героев нашего времени не будем требовать непрерывного представления диплома об окончании школы.

ОТ РЕДАКЦИИ: Продолжаем обсуждение вопроса современной драматургии. (См. статью, напечатанную в №№ 10, 14 и 15 «Лит. газеты».)

А, во-вторых, потому, что автор сжигает на воинские эшелоны, которые тут должны пройти, на мужа, находящегося на фронте, и т. д., то-есть касается тех струн, которые обычно звучат в схематических рассказах на полюбимые темы, хотя сам рассказ «Буран» не производит такого впечатления.

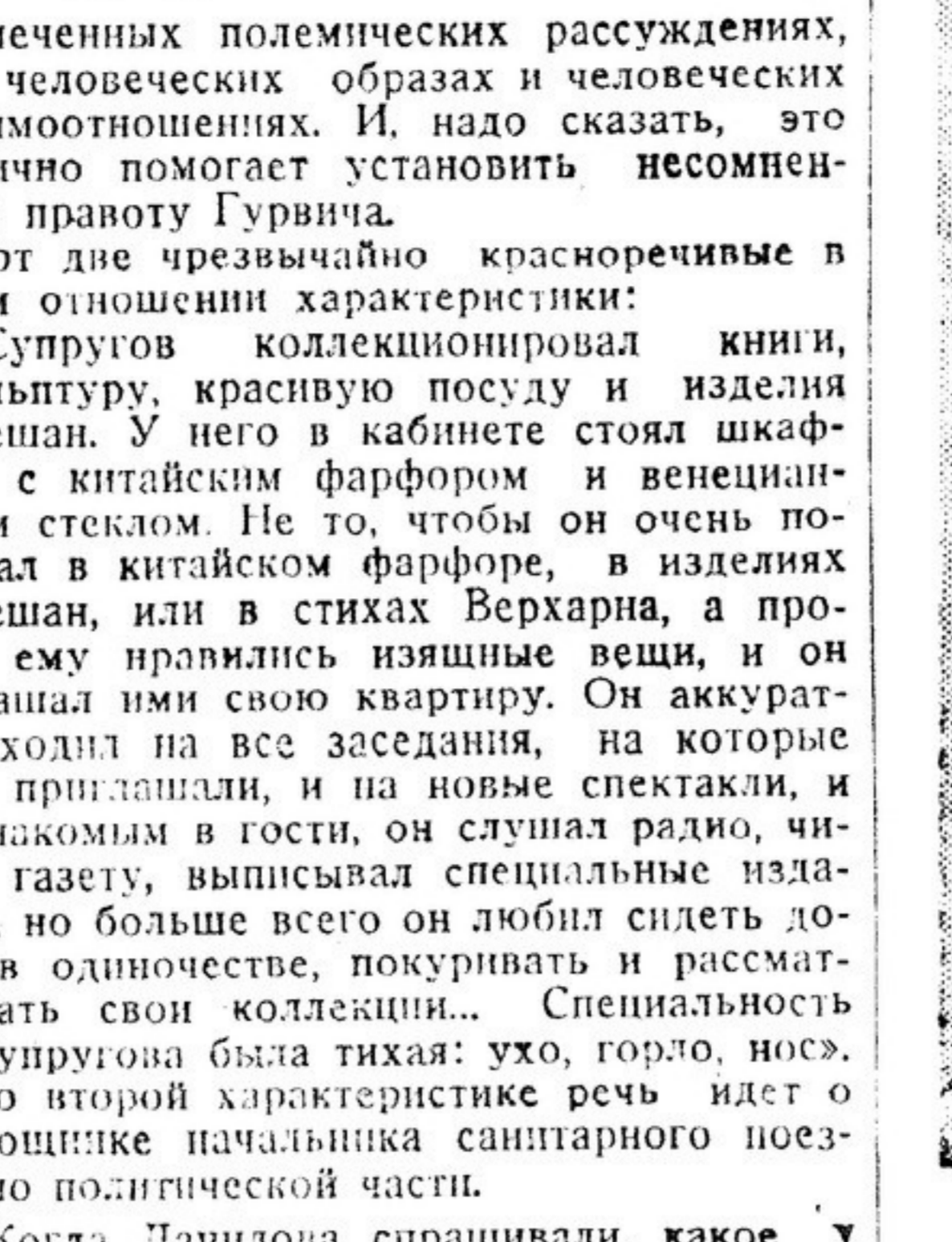
Анна Герман, писательница со своеобразным талантом и стилем, написала рассказ «Огни в Киреевском». Тут интересный лирический замысел, хорошие и тонкие наблюдения, и, несмотря на некоторую рыхлость композиции, рассказ производит приятное впечатление. Но в последней сцене автору изменил такт. На смену ему быстро, не постеснявшись, — входит в дверь тотая на все благонамеренность.

Коллекционист Настю выбрал в председателем колхоза. Но она оказывается, оказывается, разумеется, после этого ставшая сменить решение. Однако мы, читатели (и это хорошо!), об этом еще не догадываемся. Не догадываемся до тех пор, пока школьная учительница, воспитанная в свое время Настю, не начинает (после ее отказа от должности председателя) бурно и неожиданно сомневаться в своих тридцатилетних воспитательных способностях. Мы, увы, уже догадываемся, к чему вылился этот страстный монолог сомнения: благонамеренность уже ведет сюда Настю, пусть, как девочка, со своим «огнем», она привела ее. А ведь будущая председательница колхоза могла прийти и сама. А Герман торопливо успокоить наигранное волнение учительницы.

Как только герой уходит от авторской опеки, он начинает жить, правильной, естественной жизнью. У В. Банькина в двух рассказах и в повести «Семья Фомичевых» встречается один и тот же мотив: потеря близкого человека. Автор, проявив такт, дал этому чувству утраченное свободное звучание. И хотя в образе отдельных лиц есть недостаточная выразительность, все же общая жизнь героев правдива, непосредственна. А это помогает автору решить трудную задачу: примирить с утраченным.

Г. Шолохов-Сивяцкий, иногда грешащий авторской опекой, в повести «Общая картина» обличает в действительности, неожиданно возникшее в будние фронтальные дни.

Первая часть романа С. Бабаевского о

Л. СЕЙФУЛЛИНА

НАШ РОСТ

Нина Попова, писатель, пришедший в советскую литературу с Урала, из Свердловска, пишет в своем еще незаданном произведении «Литая банша»:

«Усть в тоды строение стана и пропала в своем нехе, с трупом выкарыван время для нечерной школы. Пусть ворчал, что «Зээрка корит бакаланым ситосом» и что приходится «тонать» из старую города на работу, «ломать кости» на суботниках. Об этом не вспоминали на празничной площади, где из конца в конец раскачивается «ура», наперевод гремит оркестры и песни. Душа вылетает. Тебе кажется, что ты всегда сошла величие, в мгновение тишины, мужественный гонимый подраивает тебя с победой, — молния пробегит у тебя по спине, ты закрывши не помня себя... потом увидишь вокруг молодые горящие лица, и хлынет тебе в сердце братское чувство к этим людям, с которыми ты построил свой завод».

Без этого ощущения, без «братского чувства» к людям, создавшим мощную индустрию СССР, не может наш современный писатель осознать ни исторического значения тридцатых и сороковых годов советского бытия, ни морального облика героя нашего времени. Так называемый «производственный» мотив является ключом к пониманию основного стимула нашей жизни: морально-доблестного творческого труда. Это та алгебра, которой советскому писателю необходимо проверить гармонию своего художественного творчества. Без этого средства с производственным напряжением всей страны захирело бы все советское искусство. Не могло стать это орудием искусства с рационалистичной земледелия или ростом производительности фабрично-заводского труда, естественным и непроизвольным инстинктом, кроме СССР. А у нас оно возникло естественно потому, что и в колхозных, и в фабрично-заводском труде вошло новое начало: сотворчество всего коллектива работников.

Большой теме сотворчества науки, техники и рабочих работников в успехах производства танков на Урале во время войны и посвящена повесть Нины Поповой «Литая банша».

Я считаю большим достоинством женщины — писательницы Советского Союза стремление мужественно ставить в своем творчестве большие и трудные задачи. Они не удовлетворяются поверхностным показом жизни как одним интимными, специфическим женскими, радостями и бедами, как большинство писательниц в дореволюционной России. У них нет робости перед перспективой многих человеческих отношений в свете нашей правды, нашей советской морали. И Нина Попова умеет видеть глубоко и широко. Оттого в ее повести «Литая банша» — люди живые, с ошущением, сражаемые с неизбывным личным этосом, в любовных и семейных своих столкновениях, живые, как и в прежних произведениях этого автора.

Но важнее в повести другое авторское достижение. Нина Попова сумела показать с художественной убедительностью то моральное начало, которое формировалось в душе советского человека во время сталинских производственных патристков. Это не только «чувство долга», чувство ответственности каждого за всех. Это — осознание своего труда, как дела части дела, как части жизни и героизма. Бесплодна жизнь человека, прожитая без выливания своего «я» в труд, в созидание общей ценности для своего коллектива, для своего народа, для своей страны, без полного, безотказного выявления всех своих способностей в области своего труда.

В этом более важно, чем в личной жизни, выявлении своего «я» естественно отражает даже самая большая личная боль, и личная беда не сводит к нулю человека, как бы ни была она тяжела. Армией, героиней повести «Литая банша», инженер, вернувшийся с фронта, должен работать над тем, чтобы повысить производительность литой банши танка и вместе с Даурцевым добиваться успеха.

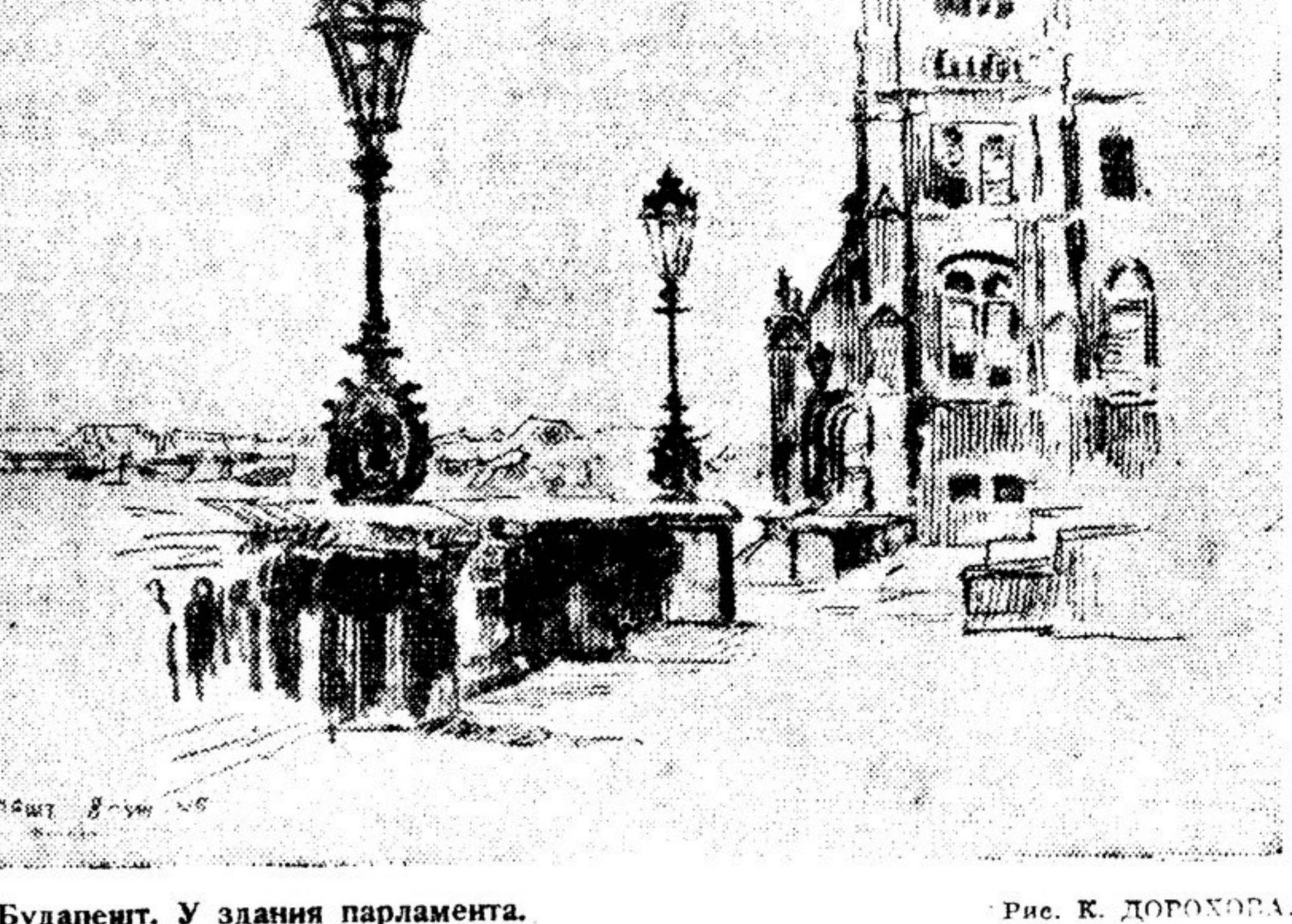
кавказ в дни войны предлагает читателю ряд правдивых женских портретов. Роман еще не закончен и, несмотря на большое пространство первой части, он находится почти в экспозиционной стадии — конфликты только намечены, но герои, не боясь простуды, дышат не тепличным, а чистым воздухом жизни. Можно спорить, какой характер удачи автора более, а какой менее, но это живые души.

На том же пути стоит Геннадий Федоров. Его сборник рассказов «По дорогам войны», обдуманный на конференции, по-прежнему мой Лучший. Лучшее, на мой взгляд, рассказы в сборнике это «Или расцветет» и «Старик». Но в плане рассказного жанра интереснее отношение к герою — интереснее рассказ «По вражескому следу». Вот где как всегда бы опека над благонамерением героя, если бы он попал в несмелые, а может быть, в неуклюжие руки. Положительный герой, а жуликоват, хитер, ловок! Правда, эти его свойства направлены не на личное, а на общественное благополучие (восстановление разрушенного немцами), но ведь иной автор и этого чурался.

Большой роман Василия Смирнова «Открытие мира» был подлинным праздником на конференции. На двухстах страницах первой части романа описывается, в сущности, только три дня из жизни мальчика в дореволюционной деревне. Но такое богатство событий, выразительных характеристик, прекрасных деталей, что даже искусственные читатели, помня, что надо читать, не отрывались.

По теме данной статьи мне хотелось бы только отметить настоящие отношение художника к герою: да, конечно, В. Смирнов, как и любой писатель, имеет на каждого героя черту. Но он — как в хороших руках это и бывает — невидим, неощутим. Перед нами колыхающая, непосредственная, свободная от мнительной опеки автора жизнь героя. Пусть дождь, ветер, солнце, — все тут выстой, выдержит, да еще расцветет...

Ранее мы приводили разные, в том числе и случайные явления авторского взгляда на героя. Не будет ли правильно сказать, что художное, схематичное изображение человека требует авторского вмешательства. Как в тепличке: рядом с хлывым растением выткнуто яблоку, чтобы оно за нее держалось. И в творчестве, как в жизни, устойчивое, полнокровное изображение, тем меньше за ним надо приглядывать.

Н. ПОПОВА

НАШ РОСТ

Жена Артемия Надежда признается ему, что, получив известие о гибели Артемия на фронте, она сблизилась с другим человеком. Артемий не может простить жену. Весь мир стал мрамором для него, и на заводе не сразу он встал с достоинством на свое рабочее место. Это было Артемию трудно сделать сразу также и потому, что ему пришлось пережить еще одно испытание. Мать Артемия, стремясь примирить его с Надеждой, которую она полюбила, как родную дочь, рассказывает ему о обстановке жизни мужа и о том, как мучил ее эту измену простить, ни разу впоследствии ни словом, ни взглядом о ней не напоминая. Таким образом, Артемий, уральский человек с крепкими семейными устоями, узнает, что человек, которого он любил крепкой сыновней любовью, — не отец ему. Любя и уважая своего названного отца, Артемий не может сохранить прежнего отношения к матери.

В завершение всего, тем «друзьям», о которых говорила Надежда, оказалась Даурцев, больше чем друг, давший совет. При всех этих испытаниях Артемий не потерял своего человеческого достоинства, не дал жизни выбить себя из круга. Он ушел в работу, в творчество, не отказавшись от сотрудничества с Даурцевым, преодолел свою понятную неприязнь к нему, переложила ее в чувство общей товарищеской ответственности перед большой производственной задачей: И как это трудно для автора, именно этот момент трудового уважительного сотрудничества со своим сверстником в любви к женщине Нине Поповой удалось изобразить художественно убедительно. В повести изобразительное искусство, что характерно для героини советской тыла в дни Отечественной войны: уральский завод, производящий танки, соревнование бригад, общественные и личные испытания людей, работающих на заводе, изживаемые ими с достоинством, с упорным сопротивлением и скорби человеческой жизни.

«Литая банша» на многих своих страницах — еще спорное произведение. Сашком тщательным, оттого длинным и художественно бедным описанием производственных процессов на заводе. Легко выливаются и выливаются сами по себе прекрасные написанные слова инженера Натальи Сенюриной и ее сверстники, со всей волею «Литая банша» не слиты они органически. Язык повести не совсем чист, в нем встречаются газетные штампы, вездь даже вульгаризмы. Погрешности языка особенно приметны у Нины Поповой, потому что в основном русе своего творчества автор вла, деет прекрасным, образным живым языком и в диалогах и в авторских сообщениях. Тем не менее Нина Попова подняла большую, актуальную тему.

Не менее актуальное произведение (в стандартной отделе) и другого автора с Урала, у Ольги Марковой. Нина Попова и Ольга Маркова совершенно различны между собой и по манере письма, и по авторскому подходу к изображению людей и событий, и по творческому темпераменту. Речь первой обстоятельна, в большинстве страниц словесно обоснована, характеры, стика героев всегда более или менее тона. У Марковой часто мелькают силуэты людей, недоразованные образы. Обладает и талантом, и талантом, и талантом. Длинное, многословное, откровенное, на грани выходящее за пределы, жизненная ситуация, горящая сама за себя. Речь у нее неровная, на некоторых страницах литературно беспомощная, но всегда внутренне страстная. Это внутреннее горение порою творит положительное чудо. При самом неудачном словесном изложении вдруг перестает замечать, что это плохо написано, остается одно ощущение: это — правда, это — интересно, это в той или иной степени обогащает мое познание советской действительности, советского человека, советского поколения, советского духа. Длинное, многословное, откровенное, на грани выходящее за пределы, жизненная ситуация, горящая сама за себя. Речь у нее неровная, на некоторых страницах литературно беспомощная, но всегда внутренне страстная. Это внутреннее горение порою творит положительное чудо. При самом неудачном словесном изложении вдруг перестает замечать, что это плохо написано, остается одно ощущение: это — правда, это — интересно, это в той или иной степени обогащает мое познание советской действительности, советского человека, советского поколения, советского духа.

Тематика всех произведений Ольги Марковой чрезвычайно актуальна. Она, как и Нина Попова, — новичок в литературе. Но о других произведениях обоих авторов я не могу говорить в этой статье. У каждой я беру по одному, связанному с производственной тематикой. Повесть Ольги Марковой «Разрешите войти?» посвящена решению проблемы, подлинно производственной, производственной кадровой во время Отечественной войны. Это наиболее отдаленное и завершее произведение Марковой.

Главный герой повести «Разрешите войти?» — Иванко Махнев, сначала подросток, ученик ремесленного училища, в конце — фронтный, явившийся с войны на родной завод. В ремесленное училище Иванко пришел из деревни, от жизни, близкой к природе, от земледельческого, рваного с заводским, труда. И в первое время все казалось ему чудным на заводе. Даже деревня, поселенный училищем, подлинно производственной кадровой во время Отечественной войны. Это наиболее отдаленное и завершее произведение Марковой.

Главный герой повести «Разрешите войти?» — Иванко Махнев, сначала подросток, ученик ремесленного училища, в конце — фронтный, явившийся с войны на родной завод. В ремесленное училище Иванко пришел из деревни, от жизни, близкой к природе, от земледельческого, рваного с заводским, труда. И в первое время все казалось ему чудным на заводе. Даже деревня, поселенный училищем, подлинно производственной кадровой во время Отечественной войны. Это наиболее отдаленное и завершее произведение Марковой.

Производство, быт учеников ремесленного училища, их рост, болезни этого роста, дружба, юная любовь, рационализаторство в заводском труде — вся жизнь смеясь, грядущая на производство, — составитель содержания повести Марковой. Надежда с картинной производственной заводской тематикой, производственной кадровой во время Отечественной войны. Это наиболее отдаленное и завершее произведение Марковой.

Производство, быт учеников ремесленного училища, их рост, болезни этого роста, дружба, юная любовь, рационализаторство в заводском труде — вся жизнь смеясь, грядущая на производство, — составитель содержания повести Марковой. Надежда с картинной производственной завод

Новая постановка Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина «Дядя Ваня» в Ленинградском театре драмы — спектакль серьезной режиссерской мысли и большого актерского мастерства.

«Дядя Ваня» в Ленинградском театре драмы — спектакль серьезной режиссерской мысли и большого актерского мастерства. Можно не соглашаться с интерпретацией некоторых образов, можно возражать против решения отдельных сцен, но одно несомненно: это чеховский спектакль.

Трудно выделить в этом спектакле какую-либо одну «ведущую» тему, основную тональность. Их много в нем, так же как и в пьесе Чехова, очень сложной, очень богатой по содержанию.

Порой кажется, что выграфом к спектаклю можно поставить слова Астрова о Серебрякове и Елене Андреевне, о том, что «раздвигая жизнь не может быть чистой, что такие люди вносят разрушение в воздух, куда бы они ни ступили. Каким великодушным приговором самоубиенному профессору звучит в его собственных устах слово «ничтожество», которое он возмущенно адресует Войничкому.

Но вот рядом с четкой Серебряковым появляется Войничкий, и со сцены с потрясающей силой звучит драма погибшей жизни, растоптанных надежд, несбывшихся стремлений. Гневным обличением этого бессельного существования, калечащего людей, уродующего их души, звучат монологи дяди Вани. А еще через минуту волна тельного, светлого чувства захватывает вашу душу. Это милая, бедная Соня смеется счастливым смехом и убаюкивает своим счастьем, обманывая себя на миг дивными и простыми человеческими словами «надо всем верить, иначе жить нельзя».

В исполнении Толубеева история чеховского дяди Вани приобретает глубоко трагическое звучание. Основное в Войничком у Толубеева — это не только драма погибшей жизни, но и скорбное недоумение перед судьбой, страстное, мучительное стремление найти ответ.

«Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Это слова Войничкому обращены к Елене Андреевне. Толубеев-Войничкий обращает не к самому себе, и к кому-то еще, может быть, к неведомой судьбе. Он стоит с протянутыми руками, на которых как бы взвешивает эту свою жизнь и свою любовь и мучительно напряженно ждет ответа... И когда в кульминационной сцене спектакля звучат его слова: «Я знаю, что мне делать. Будешь ты меня помнить?», зритель чувствует, что в Серебрякове воплощается в этот момент для Войничкого все, что было в нем, ушедшим его действительная жизнь. В нем утонул он сейчас своего «злейшего врага», ослепленному гневом, ему показалось, что он нашел ответ на этот страшный, мучивший его вопрос — кто же виноват. И горячие слова Соня (ее очень хорошо играет Е. Карякина) после ухода Войничкого: «Надо бы милосердия, папа!» здесь не просто обращение к Серебрякову. Это тот же разговор с судьбой и жизнью, это горячий гуманистический призыв, полный тоски по справедливости, счастью и человечности...

Иногда в заключительной сцене спектакля смирившийся, понижший беспомощность такой борьбы и не знающий путей к другой, Войничкий в отчаянии, полными слез, слушает произнесенные слова Соня об этой жизни, «светлой, прекрасной, изысканной», — здесь снова перед нами нечто неизмеримо большее, чем судьба отдельных людей, и символический смысл этих слов постигается особенно глубоко. И Толубеев и Карякина до конца прожигают чеховской мыслью, передали основное, что отличает любимых героев Чехова — их человечность, душевную красоту, обращенность к будущему.

Ю. Толубеев в роли Войничкого.

Р. КИМ ПРОДАВЦЫ КУКОЛ

Во время войны японские музы не молчали. Они ревностно пропагандировали лозунги, сочиняемые осведомителями отдела императорской связи. «Непримиримо — одно победит», «Сто миллионов солдат — одно сердце». В ходе войны лозунги постепенно переходили с мажорного тона на минорный.

Музы замолчали весной прошлого года, когда начались массовые бомбежки пяти крупнейших городов Японии. «Летающие крепости» парализовали не только транспорт, но и литературу. Типографские спорилки, журналы закрылись, а дикторы во главе с маститым Кикичи Кан — корнем японской литературы — эвакуировались в горные дельтообразные местности.

Иллюстрация В. Добролюбова к юнге Табальд Рива «Старшины Вильбайской школы» (Летгия).

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

„Открытие Америки со стороны России“

История героических путешествий русских мореплавателей-исследователей и открывателей новых земель — привлекающий материал для писателей, работающих в области художественно-исторического жанра. Не удивительно поэтому, что труды профессиональных историков, привлекающие завесу над некоторыми мало известными экспедициями, представляют для романистов большую ценность.

„Русские инженеры“

Лев Гумилевский написал новую книгу «Русские инженеры». Это книга о талантливых зодчих, строителях, конструкторах, составляющих гордость русской инженерии. Книга дает представление о зарождении и последовательном развитии русской инженерной мысли.

В Военной комиссии

На днях состоялось заседание Военной комиссии ЦСР СССР. С сообщением о перспективах работы комиссии выступил А. Лейтес. Основная масса писателей, — сказал докладчик, — призванных во время Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии и Флота, в настоящее время демобилизована. Писатели вернулись домой, обогатившие военным опытом.

Приключенческая повесть Хаджи Мурат Мугуева

На очередном заседании комиссии приключенческого жанра Хаджи Мурат Мугуев читал повесть «В тихом городке». Мирный немецкий городок, занятый Красной Армией, оказался далеко не тихим. Оставшаяся в городе группа фашистских диверсантов и шпионов продолжает свою подрывную работу и, в частности, выполняет срочное задание фашистского подполья: пробираться к замурованному в стене одного дома архиву Геринга.

Встреча с командирами железнодорожного транспорта

В Центральном доме культуры железнодорожников состоялась на днях встреча командиров железнодорожного транспорта с писателями. После выступления слова П. Антокольского В. Иванов прочитал отрывки из своего нового романа «При взятии Берлина».

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ К. СТАНЮКОВИЧА

В 1940 году Военмориздат приступил к изданию полного собрания морских рассказов К. Станюковича. До сих пор вышло семь томов. В настоящее время Военмориздат готовит к печати последний (восьмой) том.

ОЧЕРЕДНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“

Вышел на печать и рассылается подписчикам № 1-2 (январь-февраль) журнала «Новый мир» за 1946 г.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

После интервью

После интервью идет статья известного публициста Кагава Токуюки, именуемого себя «христианским демократом».

Время и после войны

Во время и после войны, — говорит Л. Субоцкий, — вышло несколько книг, ставших вопросом о военном воспитании. Необходимо обсудить эти книги.

Иллюстрация В. Добролюбова к юнге Табальд Рива «Старшины Вильбайской школы» (Летгия).

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

„Открытие Америки со стороны России“

История героических путешествий русских мореплавателей-исследователей и открывателей новых земель — привлекающий материал для писателей, работающих в области художественно-исторического жанра. Не удивительно поэтому, что труды профессиональных историков, привлекающие завесу над некоторыми мало известными экспедициями, представляют для романистов большую ценность.

В Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина действительный член Академии наук Украинской ССР А. Белецкий прочел лекцию об украинской литературе, рассказал о путях ее развития, проанализировал лирические, исторические песни, героические думы украинского народа.

Встреча с командирами железнодорожного транспорта

В Центральном доме культуры железнодорожников состоялась на днях встреча командиров железнодорожного транспорта с писателями. После выступления слова П. Антокольского В. Иванов прочитал отрывки из своего нового романа «При взятии Берлина».

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ К. СТАНЮКОВИЧА

В 1940 году Военмориздат приступил к изданию полного собрания морских рассказов К. Станюковича. До сих пор вышло семь томов. В настоящее время Военмориздат готовит к печати последний (восьмой) том.

ОЧЕРЕДНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“

Вышел на печать и рассылается подписчикам № 1-2 (январь-февраль) журнала «Новый мир» за 1946 г. В номере напечатаны: начало романа В. Иванова «При взятии Берлина», рассказы Ю. Яковлева «На одной из улиц», очерки А. Антокольского и Б. Черного «Ангелы мира», М. Агасова «Периоды из жизни Микеланджело», стихи А. Уткина, М. Рыльского, С. Шляктера, и Улакова, В. Погорельского, В. Урина, А. Мейерова, А. Токмакова.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

После интервью

После интервью идет статья известного публициста Кагава Токуюки, именуемого себя «христианским демократом».

Время и после войны

Во время и после войны, — говорит Л. Субоцкий, — вышло несколько книг, ставших вопросом о военном воспитании. Необходимо обсудить эти книги.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Встреча с командирами железнодорожного транспорта

В Центральном доме культуры железнодорожников состоялась на днях встреча командиров железнодорожного транспорта с писателями. После выступления слова П. Антокольского В. Иванов прочитал отрывки из своего нового романа «При взятии Берлина».

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ К. СТАНЮКОВИЧА

В 1940 году Военмориздат приступил к изданию полного собрания морских рассказов К. Станюковича. До сих пор вышло семь томов. В настоящее время Военмориздат готовит к печати последний (восьмой) том.

ОЧЕРЕДНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“

Вышел на печать и рассылается подписчикам № 1-2 (январь-февраль) журнала «Новый мир» за 1946 г. В номере напечатаны: начало романа В. Иванова «При взятии Берлина», рассказы Ю. Яковлева «На одной из улиц», очерки А. Антокольского и Б. Черного «Ангелы мира», М. Агасова «Периоды из жизни Микеланджело», стихи А. Уткина, М. Рыльского, С. Шляктера, и Улакова, В. Погорельского, В. Урина, А. Мейерова, А. Токмакова.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.

Время и после войны

Военная комиссия должна, по мнению С. Вавенцева, организовать встречи писателей-фронтовиков. Об устройстве велена назвать писателей и редакторов и обсуждении военных рассказов, печатавшихся в журнале «Красноармеец» в годы войны, говорил А. Исаев.